

ПОВѢСТИ.

ДѢЛАЙ ДОБРО, И ТЕБѢ БУДЕТЪ ДОБРО.

Никто не забудетъ голоднаго (1833 г.) года, что Богъ послалъ намъ за грѣхи наши. И какъ забыть такую бѣду, какой и дѣды наши не терпѣли, да не дай Богъ и внукамъ, да и всему роду и слышать про такую лихую годину! А разсудимъ еще и такъ: за грѣхи наши постигла насъ кара Божія? Эге! Такъ и тутъ же видимъ, что нашъ Отецъ, Царь небесный, не до конца гнѣвается на насъ, а все ожидаетъ, чтобы мы очуствовались, покаялись и обратились къ святому Его закону и творили волю Его. Какую? Можетъ, очень тяжкую для насъ? Можетъ, повелѣваетъ, чтобы мы своею собственною силою горы съ мѣста

на мѣсто перетягивали? Можетъ, велить горстями море выливать? Но знаю! (не думаю!) Только и есть Его повелѣніе: люби Его какъ Создателя своего, и помни, что отъ Него все имѣешь: и свѣтъ, и хлѣбъ, и имущество, и семью и все, все, и что добротъ и милосердію Его мѣры нѣтъ; да люби всякаго человѣка какъ истиннаго своего брата и сына Божіаго, потому - что Онъ, Господь нашъ, повелѣлъ въ молитвѣ именовать Себя Отцомъ, какъ всякій день читаете: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ:» такъ мы уже Ему такъ любезны, какъ дѣти отцу; потому-то и надобно, чтобы и мы любили одинъ-однаго какъ брата, въ нуждѣ помогали, одинъ отъ другаго отвращали бѣду, и когда до чего придется, другъ за друга страдали и бѣды терпѣли. Вотъ тогда-то мы угодимъ Богу и царство отъ Него получимъ. Такъ не для того ли Онъ намъ и посылаетъ бѣды, чтобы мы на дѣлѣ училися добро творить? Пожалуй, на словахъ мы всѣ бойки, все дѣлаемъ хорошо; иной говорить: «я сякой, я такой, я милостивъ, я нищимъ подаю, я бѣдныхъ обдѣляю...» Приди же къ нему въ нуждѣ, проси голодный сухаря, неимущій одежды... ей! и сухаря не дастъ и за руку выведетъ съ хаты, когда еще и по затылку не стукнетъ. Вотъ тѣмъ-то бѣда учить познавать людей и отъ добраго перенимать доброе. Чрезъ бѣду знаемъ, кто каковъ, и по его дѣламъ таковымъ его и почитаемъ. Видѣлъ ли кто отъ-роду, чтобы на хорошей яблонѣ да родились рѣпки? Такъ и тутъ: чтобы о человѣкѣ, дѣлающемъ доброе, шла

недобрая слава? Съ начала бы и ничего: съ начала зашипять какъ змѣи, далѣе загудать какъ злые шершни, потомъ залаютъ какъ собаки и бросятся, чтобъ совсѣмъ челоуѣка съѣсть... такъ же Господь милосердый не доведетъ до того! Не доведетъ, защитить и передъ всѣми явить такого, кто, не бояся пересудовъ, не смотря ни на что и ни на кого, дѣлалъ добро для своего брата, любя и исполняя законъ Отца нашего небеснаго! Тогда надъ такимъ и сбудется: «дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро,» и хотя и не на этомъ свѣтѣ—что здѣсь есть вѣчное? такъ ужъ на вѣрно тамъ, тамъ, въ царствѣ святомъ, гдѣ будетъ такъ хорошо, такъ хорошо, что и святые не могли изъяснить, а только написали намъ, что ни око не видѣло, ни ухо не слышало, и вообразить такъ не можно, какъ хорошо и прекрасно будетъ тѣмъ, кои любили Бога милосердаго, и любя каждаго челоуѣка и помогая бѣднымъ въ нуждѣ, исполняли тѣмъ святой Его законъ.

А послушаемъ, какъ въ злую годину управлялся Тихонъ Брусъ, и что онъ дѣлалъ, и что заслужилъ здѣсь. Можетъ, очень трудно и тяжело ему было, что, можетъ, иной и не стерпитъ? Или что-нибудь дѣлалъ такое трудное, что другой и не сѣмѣетъ? Послушаемъ.

Разстаяли снѣга, прошла половодь, сбѣжали рѣки, а еще земля и неоттаяла совсѣмъ. Люди, кто

понималъ, молчать да примѣчаютъ; иные говорятъ: «нужды нѣтъ; земля отъ солнца разомъ оттааетъ; тогда пойдутъ дожди и все будетъ хорошо.» А Тихонъ Брусь послушаетъ, что люди говорятъ, покачаетъ головою, да отойдетъ и скажетъ: «не знаю, какъ будетъ, а будетъ такъ, какъ Господь милосердый повелитъ.»

Тихонъ Брусь былъ старъ человекъ, разумный на все то село, гдѣ жилъ, да разумъ имѣлъ про себя, не очень съ нимъ выхватывался. Нужно было его крѣпко просить, чтобъ далъ какой совѣтъ; когда же было что скажетъ, то уже оно такъ и есть, такъ и будетъ. Когда видитъ, что у инаго отца сыновья, поднялись ли на ноги или нѣтъ, а уже скорѣй отъ отца со двора, на свое хозяйство; то Брусь и говоритъ: «не будетъ, дѣти, съ такихъ хозяевъ добра! переведутся ни на се, ни на то; однимъ воломъ не много сработаешь, и развѣ цѣлину одною парою пахнутъ? Ну, ну! такъ и въ хозяйствѣ: чѣмъ больше рукъ, то скорѣе и дѣло поспѣетъ; а однимъ руками не много сработаешь.» Смотри, какъ разъ такъ и есть: былъ у новаго хозяина свой плугъ, а то уже спрягается съ другими, а далѣе — далѣе уже и пѣшій; была своя хата, а то уже пошелъ въ сосѣди, въ чужую избу и свелся ни на что...

Когда было Тихонъ видитъ, что съ какой семьей жена какъ на улицѣ, да на улицѣ, все съ женщиной

ми, да съ проходящими лепечеть; а дочки, бросивъ невыполотые огороды и немазаныя хаты, да бѣгаютъ, то на улицу, то на вечерницы, то онѣ махнутъ рукою, да и скажутъ: «заростутъ же и онѣ не доброю славою, осыплется и все ихъ хозяйство какъ в обмазка отъ хаты.» Смотри, такъ какъ разѣ идетъ: и имущество, и добрая слава, все пошло за вѣтромъ!

Когда было увидить, что человекъ безъ бутылки идетъ въ шинокъ (это уже извѣстно, что не въ домъ съ компанією, да съ добрыми людьми, а самъ себя въ шинку будетъ пить), то Тихонъ и скажетъ: «туда бездѣльнику и дорога! Вотъ увидите, что вотъ это самъ ходитъ, а послѣ и все свое имущество переноситъ.» То такъ и будетъ: разопьется, попропиваетъ все, подъ плетнями валяется, а жена съ дѣточками пошла по-подъ окнами милостыню выпрашивать.

Вотъ такой-то былъ Тихонъ Брусь. И теперь онѣ все тужитъ, все сидитъ и думаетъ; то пойдетъ осматривать свой хлѣбъ на гумнѣ и въ амбарѣ въ закромахъ да въ кадкахъ. Осмотрѣвши у себя, пойдетъ и по улицѣ, заглядываетъ на гумна, гдѣ есть жилищные хозяева, да идя къ дому, все что-то по пальцамъ считаетъ...

Какъ вотъ: рано съ весны стало солнышко припекаетъ, какъ будто о Преполовеніи, а еще только чет-

вертая недѣля поста. Какая была мерзлая земля, тогда вся растаяла, да все же утромъ туманомъ, днемъ солнцемъ, а ввечеру морозцемъ вытянуло съ нея всю сырость, всю влагу; вотъ мигомъ высохла вся земля до того, что пыль съ нея идетъ.

Вербу взяли, Святую-недѣлю отгуляли... а дождю никто и капельки не видалъ. Не что дѣлать! не склавши же руки сидѣть?... хозяйки вскопали огороды, хозяева обсыялися яровымъ... а дождя нѣтъ!

Только и слышно между людьми, какъ сойдутся къ ратушѣ или къ шинку бесѣдовать: «не даетъ намъ Богъ дождя! прогнѣвали Господа милосердаго!... Это бѣда намъ будетъ!...» Каждый Божій день идетъ обѣдня: то священникъ и велитъ всѣмъ припасть на колѣна, читаетъ молитвы, а самъ плачетъ... Гдѣ были колодези, и на прудѣ, вездѣ воду святыхъ... уже и Преполовеніе, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ.

Оповѣстилъ батюшка-священникъ, чтобъ вотъ въ воскресеніе, такъ чтобъ всѣ, сколько есть въ селѣ людей, чтобъ и старое и малое, чтобъ всѣ собрались въ церковь. «Отслуживши, говоритъ, Божію службу, пойдемъ, сколько насъ есть, въ поле; стараго и немощнаго ведите, малыхъ дѣтей несите, чтобъ всѣ шли; пойдемъ вездѣ по полю, будемъ воду святить, будемъ нивы окроплять, будемъ молиться, чтобъ насъ помиловалъ Отецъ нашъ милосердый, Господь праведный!»

Такъ и сдѣлали. Что же собралось народа, такъ Господи Твоя воля! Уже точно, что никого по хатамъ не осталось. Дѣтворѣ, которое бѣжить, котораго на рукахъ несутъ, престарѣлыхъ и болящихъ подъ руки ведутъ... всѣ, всѣ пошли со св. Крестомъ въ поле... А въ полѣ же что?... Господи милостивый!... Ужасъ! Куда ни глянь, вездѣ черно! Озимое въ осень отъ засухи не всходило; когда же какое и взошло щотомъ на нивѣ, такъ и то засохло и подъ ногами хруститъ. Видно, уже ясно видно было, что когда не помилуетъ Господь милосердый, то не будетъ съ него пути! А о яровомъ и не спрашивай!...

Освятили воду, помолѣбствовали... и что-то: весь народъ палъ на колѣна... батюшка за слезами и молитву чрезъ великую силу можетъ читать... кто, припавши къ землѣ, даже всхлипываетъ... а малыя дѣти, извѣстно, тѣ еще ничего не знаютъ, глядя на старыхъ, давай себѣ плакать въ голосъ!...

Окропивши вездѣ по полямъ, воротились домой... какъ вотъ стали облака собираться... все больше, гуще... потомъ и черныя тучи появились: такъ совсѣмъ, какъ на дождь и громъ... Народъ обрадовался и всякъ говорить: «вотъ Богъ милосердый смилуется надъ нами, пошлетъ дождикъ, такъ и не пропадемъ...» Вотъ тучи все находятъ, все находятъ... какъ тутъ вновь поднялся бурей (бурный вѣтеръ) отъ восхода солнца, самый сухой вѣтеръ, что никогда не навѣетъ

дожда, и какой и соберется, то онъ его и разгонитъ. Этоть-то вѣтеръ вѣялъ и съ осени, вѣетъ и съ самой весны, и теперь, какъ подулъ, такъ гдѣ и тучи дѣвались, и опять прояснилось, и солнышко стало жарить предъ Вознесеніемъ, какъ посреди лѣта о Прокопіевомъ днѣ (8 Іюля).

Тихонъ же, еще заблаговременно, то и дѣло, что съ своими сыновьями молотить хлѣбъ, который былъ у него на гумнѣ, онъ же былъ себѣ крѣпко богатъ. Послѣ, какъ далѣе-далѣе видимо, что совсѣмъ бѣда, онъ, какъ собралась сходка на совѣтъ, что имъ дѣлать, какъ не дай Богъ что и вовсе хлѣба не будетъ, такъ онъ тутъ и отозвался: «а что, панъ голова, и вы, панове громада! не знаю, какъ вы, а я бы себѣ такъ думалъ: вотъ тотъ хлѣбъ, что съ магазейна добрые люди разобрали, не нужно ли бы его пополнить?»—Вотъ это такъ!—загудѣла громада: когда человѣку бѣда, такъ тутъ съ него послѣднюю кожу дери. Хотя и есть у кого хлѣбецъ, такъ и послѣдній отдать? Вотъ такъ ты выдумай! чѣмъ отдавать хлѣбъ въ магазейнъ, такъ онъ и себѣ пригодится.

«Послушайте же меня, люди добрые! говорилъ Брусь, я не долженъ въ магазейнъ ничего, и за себя и сыновей своихъ взношу заблаговременно; а примѣромъ сказать, какъ бы съ меня слѣдовало донять четверть хлѣба, то уже извѣстно, что тою четвертью я

недолго пропитаюсь, а какъ ее внесу, и всякъ то, что долженъ, внесетъ, такъ вотъ и соберется его не мало и добрымъ людямъ его надолго станетъ, лишь бы по порядку обдѣлять . . .»

— Да не можно сему стать—стали крѣпче покрикивать такіе, что болѣе прочихъ должны были въ магазинъ хлѣба: отдамъ свое, да пойду къ сборщикамъ кланяться, да изъ-за своего добра просить; да еще, дадутъ ли или нѣтъ, кто его знаетъ?—и все прочее шумѣла громада, и заговорили всѣ, ничего и не разберешь.

Слыша это, старый Брусъ махнулъ рукою, отошелъ себѣ отъ нихъ, сѣлъ на прызбѣ подлѣ волостнаго правленія, наклонилъ голову, и все что-то по песку палочкою ковыряетъ.

Совѣтовались люди, совѣтовались долгонько все объ одномъ: что имъ въ такой бѣдѣ дѣлать? Совѣтуются и ума не приберутъ. Безъ хлѣба жить невозможно, а хлѣба нѣтъ; живымъ въ могилу ложиться нехочется, а не придумаютъ ничего, что дѣлать, чтобъ пропитаться. Далѣе—нечего дѣлать!—опять къ Тихону. «Ну же, дядюшка!—говорятъ ему: скажи, что намъ дѣлать, чѣмъ бѣду отвести?»

— Что я знаю? говоритъ онъ: молитесь Богу! Когда Отецъ небесный не умиосердится надъ нами,

то что мы можемъ сдѣлать? Безъ Его святой волн и маленькая комашечка ни народится, ни умретъ, а и того больше человекъ, что, какъ читаютъ въ церкви Божіе Слово «и волосъ твой не падетъ безъ Его вѣлѣнія.» Такъ что тутъ и дѣлать больше, какъ только молиться.

«И молился и молимся, какъ, самъ здоровъ, Степановичъ, знаешь; такъ Господь на насъ прогнѣвался и не посылаетъ намъ милости Своей.»

— Тѣмъ-то и горе, что и Самъ милосердый Господь, милосердію Котораго и мѣры нѣтъ, такъ и Тотъ не смилвался надъ нашими и также надъ дѣтскими слезами. Вѣдь вы же слышали, какъ батюшка-священникъ намъ рассказывалъ, какъ въ старовину Господь прогнѣвался на людей въ одномъ городѣ, что отступилися отъ Создателя, Царя своего, да начали пьянствовать, бездѣльничать, воровать, промежъ себя убійство и всякія скверныя дѣла дѣлать, и объявилъ имъ, что на всѣхъ васъ, говоритъ, пошлю огонь съ неба и пожгу всѣхъ; когда же обрѣтется между вами одна праведная душа, такъ черезъ такого только всѣхъ васъ помилую. Какъ же не случилось между ними ни одного праведнаго, то они все и погибли на вѣки вѣчныя. Такъ и у насъ теперь: нѣтъ у насъ ни одной праведной души, чью бы молитву Богъ услышалъ и насъ помиловалъ. За грѣхи наши насъ Господь и наказываетъ. Хорошо ли мы

передъ нимъ живемъ? Ходимъ ли въ праздники въ церковь? Скорѣе куда на бесѣду, или у шинокъ, а не въ домъ Божій. Когда же и прійдемъ, то молимся ли, какъ должно христіанамъ? Рукою мотаемъ, а мыслію вездѣ летаемъ. Помогаемъ ли кому въ нуждѣ? Скорѣе послѣднюю рубашку съ человѣка, да хоть бы онъ и пріятель, сдеремъ, а своего и лоскутка не уступимъ. За грѣхи наши послалъ было Богъ холеру, такъ тогда немного и почувствовались. Какъ же минула бѣда, такъ и не говорятъ, что то была бѣда отъ Бога за грѣхи наши, и что Онъ насъ помиловалъ только по милосердію Своему, а выдумываютъ, будто то Турки колодези отравили, будто Нѣмцы лѣкарей подкупили, чтобы весь народъ выморить. За грѣхи и теперь терпимъ; плачемъ же и говоримъ: «умилосердися, Господи, и помилуй насъ грѣшныхъ!»

— Такъ вотъ это такъ руки сложить, да могилы выкопавши, такъ и ожидать голодной смерти?— сказала громада.

«Нѣтъ, панове громада! говоритъ Тихонъ: по моимъ мыслямъ не такъ. Слышите, что въ церкви читаютъ; не пожалѣй ничего для своего брата: а братъ нашъ всякъ человѣкъ, хотя съ нашего села, хотя съ другаго, хотя изъ города, хотя Нѣмецъ, хотя Турокъ, все Божіе созданіе. А что наипріятнѣе Богу, когда за кого, не только что имѣнія лишишь—

ся, но и душу положишь? Вотъ теперь пришла такая година, чѣмъ можемъ умилосердить Господа, Отца нашего, за наши грѣхи и отвести бѣду отъ себя и отъ всѣхъ. Вотъ что сдѣлаемъ: сколько у кого есть хлѣба, внесемъ весь до зерна и до пылинки вмѣсто; приставимъ стариковъ, чтобъ они его сохраняли, и каждую недѣлю или мѣсяца чтобъ давали на каждую семью, по чѣмъ тамъ придется на душу, только чтобъ пропитаться, а не лишнее; какъ я смотрю, тамъ у насъ кое у кого, слава Тебѣ Господи! столько хлѣба будетъ, что собравши вмѣсто, да съ порядкомъ, можно будетъ пропитаться до новаго. Кому надобно на сѣмена, чтобъ осенью посѣять, попросимъ, чтобъ съ магазейна отпустили, да и то только бѣднѣйшимъ, а побогачше и на сторонѣ себя достанетъ. А вы, панъ голова, перепишите, у кого сколько хлѣба возмется; а какъ уродитъ Богъ новый, тогда рассчитаете, по скольку придется съ души, то сберемъ вмѣсто и отдадимъ каждому. Послушайте меня, сдѣлаемъ такъ: вотъ прежде всѣхъ отдаю все, что есть въ закромахъ, и что только найдется у меня, все изнесу, только изберите кому отдать.»

— Послушать его? завопили, которые побогаче: это, чтобъ свое отдать ни за се, ни за то, а послѣ и отхаживай свое доброе? Сказано: отдай руки, да не выходишь и ногами... не надобно ничего... сами себя пропитаемъ...

«Але! пропитаемъ! опять таки говорить Тихонъ: благодарите Богу милосердому, у кого есть чѣмъ пропитаться; да въ такую годину оглянитесь и на немущихъ, откуда они возьмутъ? чѣмъ пропитаютъ маленькихъ дѣточекъ, да старыхъ и немощныхъ родителей?... Эй, люди добрые! не забывайте, что вы есть христiane православные! Думайте, какъ лучше. Будьте милосерды, чтобъ и Господь былъ къ вамъ милосердъ!»

— Не будетъ сего!... теперь всякому до себя... загудѣла громада и начали расходиться. А Тихонъ остался тамъ таки на призбѣ, наклонилъ голову, тяжело вздыхаетъ и все палочкою ковыряетъ землю.

Вотъ, немного погода, воротились къ Брусу кое-кто и сѣли подлѣ него. Вотъ одинъ изъ нихъ и говоритъ: «а что, Степановичъ! какъ мы посовѣтовались между собою, такъ вотъ что сдѣлаемъ: вотъ насъ здѣсь семь хозяиновъ; сложимся, у кого есть сколько денегъ, чтобъ можно было купить по малой мѣрѣ ста три четвертей хмѣба. Давай намъ порядокъ: купимъ и ссыплемъ; а какъ нужда людямъ придетъ, вотъ мы и станемъ продавать, смотря на цѣну, какая по сторонамъ будетъ, да наложимъ еще лишняго по полтинъ или и по рублю, то ей! разберутъ чисто весь, потому - что бѣда всякому придетъ, не пожалѣетъ рубля, лишь бы не ѣздить далеко. А мы, какъ выручимъ свое истое, да и бросимся, купимъ въ Рос-

сн подешевлѣ, да опять съ барышемъ будемъ продавать. Вотъ такъ-то и зашибемъ славную копѣйку...»

Тихонъ какъ вскочилъ съ мѣста, и начавъ креститься, говорить: «Господи милостивый! не доведи меня до смертельнаго грѣха, чтобы я кровь христіанскую сталъ пить какъ воду! Благодарю Бога милосердаго, я не Жидъ и не Татаринъ, чтобы мнѣ отъ людской бѣды корысть получать! Нѣтъ, люди добрые! когда хотите законъ Божій исполнять, дѣлайте добро братьямъ своимъ, не думая объ анашемскомъ барышѣ. Въ этомъ дѣлѣ Господь подастъ заработокъ въ царствіи Своемъ; такъ и не надо думать, что какъ бы намъ лучше; а только то, что какъ тому помочь, кто въ нуждѣ.»

— Какъ такъ дѣлать, то деньги истратимъ, и не только прибыли не будетъ, да и истое потеряемъ. Какъ себѣ, Степановичъ Тихонъ, хочешь, а мы свое дѣло будемъ дѣлать, какъ знаемъ. Сказали эти люди и разошлись.

Долгонько еще сидѣлъ нашъ Тихонъ подлѣ ратуши и что-то все думалъ; потомъ всталъ, тяжело отъ сердца вздохнулъ и пошелъ себѣ тихимъ шагомъ домой.

«А ну, старая, такъ говорилъ онъ женѣ своей, пришедши домой: какую тебѣ и дочкамъ нужно одѣжу, самую не важную, то себѣ отбери и берегите

какъ глаза, чтобъ на годъ и больше стало, потому-что не буду вамъ ничего новаго дѣлать, даже пока насъ Господь не помилуетъ; а лишнее все подай.»

— А тебѣ на что? спрашивала жена.

«Але! я то уже знаю на что. Отбирай же скорѣе, да и подавай сюда.»

— Чтожъ тамъ отбирать? Это бы то и плахты, и юбки, и наместа, и мои очипки?

«А тожъ! Все, до чего теперь дѣла нѣтъ, все подай мнѣ.»

— Да что ты это выдумалъ? А съ чѣмъ же я, или дочери, на праздникъ выйдемъ въ люди?

«Прошли наши праздники и гулянья! Теперь будемъ думать, какъ пропитаться, да и людямъ помочь дать... да полно долго болтать: когда не хочешь вынимать, такъ подай ключъ отъ сундука...»

Еще Тихонъ и недоговорилъ, а уже Стеха, его жена, и рванула ключъ отъ пояса и кинула ему подъ ноги, а сама и выбѣжала къ дочерямъ, чтобъ имъ пожаловаться; потому-что знала натуру своего стараго, что когда что надумалъ, то хоть споръ, хоть бранись, а уже онъ отъ своего не отступится; и уже

не будетъ много говорить и настаивать, а молча сдѣлаетъ, какъ хотѣлъ.

Поднялъ Тихонъ, не говоря ни слова, ключъ, отомкнулъ сундукъ и все-таки молча сталъ разбирать. Что имъ откладываетъ, что особо отбираетъ, а какъ кончилъ совсѣмъ, поднялъ свое, да идучи у комнату, говоритъ женѣ и дочкамъ: «сложите же хо-рошенько, что вамъ осталось.»

А Стеха съ дочками, вышедши въ сѣни, на взрыдъ плачутъ, и какъ будто—сохрани Богъ! по мертвомъ голосають; а Тихонъ ихъ и не уважаетъ. Какъ же пошелъ онъ въ комнату, они бросилися смотрѣть, что онъ имъ оставилъ.

«Охъ, моя годинонька лихая да несчастливая!... Съ чѣмъ же я теперь на свѣтъ осталась?... Позабиралъ и очипки и серпанки... Чѣмъ же я прикрою свою головушку?... Нѣтъ и байковой юбки... нѣтъ...» Такъ приговаривала Стеха, а потомъ и завывала.

Старшая дочь, Наталка, туда же за нею и плачетъ и приговариваетъ: «нѣтъ моего наместечка... нѣтъ и платочка бумажнаго... и синихъ новешенькихъ чулочекъ... и серьги жъ то взялъ!...

Средняя, Феська, то же пѣла: «запасочка жъ моя колесчатая... ленточки мои блажитные (голубые)... платочки вышитые... башмачки красные...

Мотря, наименьшая, еще бѣ и малая дѣвчонка, да и та туда же за ними голосить, что и ея новую плахту отецъ взялъ.

Еще не хорошо и уложили что осталось, а уже матери и нѣтъ; уже и побѣжала къ сосѣдамъ, и къ кумамъ, и къ атаманихъ, и къ писарькѣ, и къ понамарькѣ и всѣмъ, всѣмъ жалуется, что мужъ забралъ у нея и дочекъ все — и что онъ будетъ дѣлать, она не знаетъ; а что онъ теперь остались хуже нищихъ; что всю одѣжу забралъ, и кресты, и намысты, и рушники, и всякіе подарки, что она было — припасла за дочками давать, все, все забралъ — и что ей теперь на свѣтъ дѣлать, сама не знаетъ... Было тамъ всего; были тамъ добрые помины нашему Тихону!

А онъ, молча, свое знаетъ. Сложивъ женино и дочернее все въ-мѣсто, собралъ и сыновнее, какіе лучшіе пояса, и шапки, и юпки (чекмени), да и поѣхалъ по селамъ, гдѣ слышалъ и гдѣ зналъ богатѣнькихъ людей; да кому плахту, кому шапку, кому все прочее, все же то заложилъ, хотя и не такъ за великую цѣну, да все-таки промыслилъ тѣхъ денежнокъ немало.

Не успѣвъ возвратиться домой, уже и бѣжить за нимъ десятскій, чтобы шель въ ратушу къ головоу. Только-что увидѣлъ его голова, такъ и напустился: «Какъ ты, переводишь имущество, да сбн-

раешься на слободу (перейти въ другое селеніе)?» Это все такъ жоночка ему въ уши натурчала. О! на этотъ торгъ онъ пѣшкомъ бѣгутъ !

— Да не сердитесь же, панъ голова! и не безпокойтесь такъ—сталъ Брусъ ему говорить скромно и учтиво: не такъ это было. Это мое дѣло: продалъ ли что, или въ закладъ отдалъ, не мѣшайтесь. Я здѣсь весь передъ вами. Когда на слободу итти, то самъ не пойду: я уже старъ человѣкъ; а собираясь итти, пришлось бы брать и жену и дѣтей; а этаго, безъ начальства, да безъ ихъ воли, невозможно; а видите, они вовсе не хотятъ. Это, я вижу, они вамъ и нажаловались; но видите сами, что этому невозможно статься. Такъ когда нѣтъ на меня никакого больше доносу, то и отпускайте меня: мнѣ некогда.

«Начто же ты продаешь имѣніе?» спрашивалъ голова.

— Да нѣтъ же; не продавалъ еще ничего; а только заложилъ кое-что; надо было денежонокъ...

Хлопоталъ, хлопоталъ около него голова съ писаремъ, да видятъ, что не съ чѣмъ къ нему привязаться, такъ и отпустили.

Не покой же нашему Брусу и дома! Только-что войдетъ онъ въ хату, то Стеха и подниметь шумъ и

крикъ: зачѣмъ отобралъ вещи и ея и дѣтскія; зачѣмъ ихъ заложилъ, гдѣ деньги дѣвалъ?... то Тихонъ молчитъ, молчитъ, и когда въ хатѣ нѣтъ никакого дѣла, то и пошелъ-себѣ.

Сядетъ сердечный гдѣ-нибудь себѣ на улицѣ, куда проѣзжая дорога лежитъ, и когда увидитъ чумака, или такъ проѣзжающихъ, то тотчасъ въ распросъ—и спрашиваетъ, съ какихъ мѣстъ и какъ тамъ поводится? каковы хлѣба, какая цѣна на него и чего ожидать далѣе?

Даже слезы его проймутъ, что, откуда бы кто ни ѣхалъ, такъ все одно, все бѣда! Не было дождя съ самой весны, все въ поляхъ выгорѣло, народъ въ уныніи и не знаетъ что дѣлать! Только и слышно, что есть хлѣбъ въ Курской, да въ Орловской Губерніи, да и то цѣна на него вездѣ поднимается.

Прошла Троицына недѣля *: не посылаетъ милосердый Господь дождя, хотя и молится народъ. Прогнѣвали Царя Небеснаго! Не-на-что уже надѣяться: пропало все въ поляхъ и въ огородахъ! Бѣда людемъ, бѣда и скотинѣ! не будетъ вовсе хлѣба, ни въ зиму огородныхъ кореньевъ, не будетъ и скотинѣ корму!...

* Троицкіе святки, также празднуемые у насъ цѣлую недѣлю какъ и Рождественскіе и великодные святки (Святая-недѣля). Все святки.

Тотчасъ послѣ заговѣнъ, въ первый день Петрова поста, на самые *розыгры*, только-что вынули хлѣбъ съ печи, Тихонъ и забралъ его весь къ себѣ. Стеха смотритъ, что съ того будетъ, а сама такъ и лютуетъ. Приготовили обѣдать: Тихонъ вынулъ хлѣбъ, порѣзалъ на куски и на безменъ привѣсилъ, чтобъ каждому досталось на часть по два фунта. «На-те, дѣтки, вотъ это каждому, тутъ и на обѣдъ и на полдникъ и на ужинъ. Прячь самъ свое, а ужъ больше не дамъ.» Сказалъ, да и себѣ и женѣ столько же отвѣсилъ, а остальное спряталъ у себя.

Стеха тотчасъ за свое, навзрыдъ. «Отъ роду, говоритъ, этаго не было, чтобъ хлѣбъ развѣсивать на души... какъ будто колодникамъ, такъ и намъ, по твоей глупой головѣ пришлось...»

— Отъ роду же и бѣды такой не было, говоритъ ей Тихонъ, да все тихо, думая, что не ускромить ли онъ ее тѣмъ, хотя немного. Вотъ и старѣ меня люди есть, а и сами не видѣли и отъ отцовъ не слышали такой бѣды. Ышь, старая, да благодарь Бога и за то. Господь милосердый знаетъ, что далѣе будетъ!

«А чтобъ никто не дождалъ, чтобъ я вѣшний хлѣбъ ѣла! По-подъ окнами пойду, а не хочу твоего хлѣба, что ты даешь и трясешься.»

— Нѣтъ же, Стеха, неправда, я не трясуся, а хочу, чтобъ какъ сегодня вдоволь есть хлѣбца, такъ

чтобъ Господь благословилъ и по всякъ день по столькоже, пока бѣда пройдетъ. Повидишь сама послѣ, что нечего больше дѣлать. Не церемонься, ты, да хвали Бога...

«Чтобъ ты и родъ твой не дождалъ, чтобъ я вѣла! Не хочу, не хочу и не буду вѣсть!...» Да съ этимъ словомъ шастъ съ хаты (а мощну не забыла-таки схватить), да къ женщинамъ, да прежде всѣмъ рассказала, какъ-то Тихонъ сталъ скупъ, что уже и хлѣбъ вѣсомъ имъ даетъ; а послѣ туда же съ женщинами, давай складку дѣлать на горьлочку; видишь надо гулять — праздникъ. Какой-же то праздникъ? Рѣзыгры. Вотъ такъ-то бабы навывумывали! Видишь, то все были праздники, то святки; а какъ уже надо за дѣло приниматься, такъ вотъ у нихъ и рѣзыгры. Чего-то онѣ не выдумаютъ, лишь бы гулять, да горьлку попивать!

Когда же Стеха побѣжала съ хаты, а Тихонъ и говоритъ: «спрячьте, дѣтки, материнскую долю, вѣдь придетъ не объдавши, захочетъ вѣсть, а я уже больше не дамъ.» Такъ и вышло. Пришла ввечеру, хотъ и пила тамъ сколько горьлки, а таки есть никто не далъ. Нечего дѣлать: принялась и за отвѣщенный хлѣбъ.

Тихонъ не очень ей уважалъ. Утромъ опять отвѣсилъ каждому и говоритъ женѣ: «хотъ вѣшь, хотъ

на вечеръ спрячь.» Не ругала же она его ни мало! Куда! на всѣ заставки (корки). Было и ему, было и всему роду; далѣе было и тому, кто и безменъ выдумалъ, и кто его продаетъ... а таки, нечего дѣлать, свой паякъ отбирала исправно.

Эге! хотъ же и сама видѣла, что хорошо выдумалъ ея мужъ: потому-что у нихъ, было, хлѣбъ пекутъ три раза на недѣлю, а уже за Тихоновымъ порядкомъ только два раза, и муки меньше идетъ, потому-что Тихонъ такъ все рассчиталъ, чтобы какъ разъ на ихъ семью становилось и нигдѣ чтобы ни пылиночки не дѣвалось; а все-таки была ему добрая молитва, какъ съ амбара въсомъ беретъ муку, какъ выпеченный хлѣбъ ему отдаетъ и какъ отъ него фунтами на день получаетъ. А Тихонъ слышитъ все это и не уважаетъ; думаетъ объ своемъ.

Кто занималъ у него деньги, ко всѣмъ бросился; съ кого возьметъ деньгами, самое истое, а росту (процентовъ) и не спрашиваетъ и не беретъ, хотъ кто и даетъ; пускай, говоритъ, когда-нибудь отдашь, теперь всякому нужда. Когда же кто не можетъ деньгами уплатить, то онъ беретъ всѣмъ по согласію: возьметъ и одежду, и возъ, и ярмо, не откажется ни отъ самага бездѣльнаго, лишь бы хотъ что-нибудь да взять, потому-что у него было что-то на умѣ. Беретъ, когда до чего человѣку приходитъ, что не сможетъ зимою прокормиться, беретъ, говорю, и скотину; и

когда она въ такой цѣнѣ, что долгу меньше, то еще хозяину и доплатить. Да такъ и собрался: то своихъ было воловъ десять паръ, а теперь уже у него было двадцать паръ; есть и возы и все къ нимъ нужное. Его два сына, а то взялъ пять мальчиковъ, сиротъ, такихъ, что еще до какаго времени, а уже имъ пришлось по-подъ окнами таскаться, а онъ ихъ взялъ и на свою одежу, и на харчъ и говорить: «какъ подростутъ, надѣлю ихъ всячиною и хозяевами устрою, когда-то еще живъ буду!»

Люди, смотря на Тихоновы сборы, смѣются съ него въ глаза. «Что это ты думаешь?» говорятъ ему: «тутъ дай Богъ самому съ семьею пропитаться, а онъ еще и дармоѣдовъ набираетъ: корму совсѣмъ на зиму не будетъ, а онъ отовсюду скотину собираетъ. О, чтобъ его съ его мудростями!» Да даже слезы утираютъ смѣясь, а онъ и не уважаетъ. Что же, говорить, когда мнѣ кажется, что такъ надо дѣлать?»

Наступила и жатва. Не приведи Господь къ такой жатвѣ до конца вѣку всякаго православнаго христіанина, да и самага Турка, Француза, Нѣмца и таки всякаго челоуѣка! То не жатва была, а горе и бѣда!... Никто и не думалъ серповъ приготовить. Выйдутъ на ту горькую ниву, мужъ косою машетъ, машетъ, далеко пройдетъ... а жена далеко за нимъ подбѣгаетъ, да на-силу наберетъ снопъ, да такой, что и малое дитя до дому донесетъ. Такъ-какъ выкосить

ниву, свяжутъ снопы, сложатъ въ копны... такъ и копны смочать горькими слезами, потому-что было посѣяно, примѣромъ говоря, шесть мѣшковъ, а когда вымолотятся сѣмена, то и хорошо; потому-что снопы такіе, что за вѣтромъ полетятъ: одна солома. Много и такихъ было, что и косою не захватить; вырывали люди выбирая по стеблышку... такъ тутъ ожидай добра!...

Вотъ тогда уже Брусь принялся за свое. Поготовивъ все, что надо было, пошелъ съ сыновьями и батраками въ церковь, отслужилъ молебенъ, помолился Богу и попросилъ батюшку-священника къ себѣ. Что Богъ далъ, пообѣдали, запрягли возы, батюшка освятилъ воду, окропилъ Тихона, сыновъ, батраковъ и возы, да и тронулись съ Божіею помощію.

Хоть Тихонъ и не говорилъ никому, куда и за чѣмъ онъ ѣдетъ, хоть ему кое-кто снова смѣялся и упрекали—одинъ скажетъ: «собрался нашъ Брусь на Донъ за рыбою, вмѣсто весны, посреди лѣта: лишится и воловъ и всего, самъ съ кнутикомъ воротится, потому-что въ самую голодную сторону поѣхалъ.» Другой скажетъ: «Тихонъ вѣдитъ, что бѣда, да и бросилъ жену съ дочками, а самъ пошелъ на слободу.» Иной еще что приложить, такъ-что совсѣмъ человѣка осмѣяли; однако были и такіе, что догадались, что это Тихонъ задумалъ, и куда и зачѣмъ поѣхалъ. «Видишь, говорятъ, что онъ выдумалъ!

Вотъ это такъ; теперь заработаетъ копѣйку! А ну же примемся и мы за тожъ.»

Вотъ тѣ-то люди, что подговаривали Тихона хлѣбомъ торговать, такъ они-то такъ совѣтовались. Вотъ и сложились суммою, собрались и поѣхали. Да когда бѣ же то искали, гдѣ хлѣбъ дешевѣ; а то въ первомъ мѣстѣ, гдѣ случилось, лишь бы скорѣе, тамъ и набрали, не разсуждая о цѣнѣ, да даже по пятнадцать (рублей за четверть) заплатили и привезли домой, а тутъ уже и бѣда пришла!... Уже у кого что было, поѣли, а новаго—дать Богъ! Негдѣ дѣваться; надо покупать. Вотъ они и установили цѣну: семнадцать (рублей за четверть)! Видите, захотѣли вдругъ барышъ слупить и разомъ разбогатѣть.

Такъ тутъ имъ какъ разъ Тихонъ съ фурами и нагринулъ. Онъ ходилъ не на Донъ и не въ Черноморію, и никуда на слободу, а пошелъ въ Россію, прямехонько въ Курскую Губернію, гдѣ уже онъ хорошо прослышалъ, что Богъ благословилъ хлѣбомъ и на все хорошимъ урожаемъ, и что, хотя и тамъ цѣна поднимается, да еще-таки можно, умѣючи, захватить дешевѣ противъ людей. Вотъ тамъ-то Тихонъ кидался сюда-туда. Ъздитъ, развѣдываетъ, разспрашиваетъ и напалъ на добраго человѣчка, что ему уступилъ хлѣба по двѣнадцати на всю сумму; а у него денежонокъ было порядочное число—тысячи, такъ-что можетъ, три; да еще съ такимъ договоромъ, что,

когда потребуется еще столько хлѣба, то общался, противъ цѣны, взять еще двумя ниже.

Вотъ это же Тихонъ, что на свои возы накласть, а что нанялъ къ себѣ фуршиковъ, да и доставилъ все домой. Что у себя, а что у людей нанялъ амбары (тогда вездѣ былъ просторъ), ссыпалъ и муку и зерномъ, что привезъ, да и сталъ прислушиваться, что и какъ у нихъ въ селѣ поводится.

Услышавши, что тѣ люди, что прежде его понавозили хлѣба, установили цѣну по семнадцати, онъ собралъ другихъ, да и говоритъ: «недоброе это дѣло! еще только люди начали бѣдствовать, такъ тутъ съ нихъ и тянуть! Нѣтъ, не приходится. Когда еще заблаговременно, да вытянешь у человѣка послѣднее, то что ему придется дѣлать къ веснѣ, какъ хлѣбъ еще дороже будетъ, а достатку ни у кого не станетъ: да и великій же грѣхъ у человѣка при нуждѣ послѣднее тянуть. Погонимся за барышомъ, а сколько крови братней напьемся, потому - что всякъ изъ насъ, видѣвши, какъ жена, дѣти, будутъ приставать, да хлѣба просить, такъ тутъ не только все имѣніе, а именно кровь свою, душу отдашь, чтобъ только они не бѣдствовали отъ голода. Надо думать, какъ лучше. У меня хлѣбца своего есть тамъ что-нибудь; берите, люди добрые!...»

— А какъ у тебя, дядюшка, цѣна будетъ? спрашивали у него.

«Какая цѣна? Какъ это можно, чтобъ я хлѣбъ, что миѣ Господь безо всего послалъ, да сталъ бы я своему брату продавать? Нѣтъ, не будетъ этаго. Берите на пропитаніе изъ моего домашняго, а купленный будемъ съять, какъ придетъ время.»

Послышавши это люди, такъ и шарахнули къ старому Брусу. Какъ намъ, дядюшка, будешь давать хлѣбъ?

«А вотъ какъ: держи свою торбу... вотъ насыпаль... вотъ и иди себѣ; тутъ тебѣ на мѣсяцъ; у тебя четыре души; смотри, чтобъ стало. Приходи черезъ мѣсяцъ, опять столько насыплю; а когда не станетъ, то и не приходи; прежде мѣсяца не дамъ.»

— А деньги?...

«Деньги неси домой. Продаетъ ли кто Божій свѣтъ? такъ и тутъ. Богъ послалъ хлѣбъ святой всѣмъ людямъ, а не мнѣ одному; за чтоже я съ тебя буду деньги брать?»

Иной скажетъ: вотъ же, дядюшка, ты миѣ на пять душъ далъ, а у меня пятое, еще маленькое, четвертый годикъ...

«Говори! эка голова! Чтожъ, что четвертый годикъ? Развѣ же оно не хочетъ ѣсть? Такое съѣсть

больше великаго. Ты знаешь бѣду и видишь наше горе, такъ ты и ѣшь по-немногу и перетерпываешь работая; а оно что знаетъ? Захотѣлося ему поутру? дай, мама, хлѣба. Пообѣдало себѣ тамъ, опять снова: дай, мама, хлѣба; да все хлѣба, да хлѣба; ротъ его не затворяется: все ѣстъ, какъ та, прости, Боже, грѣха! саранча. Еще бы въ добрый годъ захнулъ бы ему ротъ огурцомъ, или грушами, или картофелемъ; теперь же этаго ничего нѣтъ, а оно того не знаетъ и не смыслить уважить, да знай просить. Какъ, таки на его долю не дать? Берите, берите.»

Много было работы нашему Тихону! Народъ такъ и плыветъ къ нему; его сыновья и батраки, то и дѣло, что отвѣшиваютъ, а онъ только раздастъ... да не всѣмъ же безъ разбора и даетъ: инаго за руку дергъ! да и говоритъ: «подожди, сынокъ! И ты за хлѣбомъ? Ты еще парень молодой, жена тоже, дѣточекъ дастъ Богъ; идите, зарабатывайте, а отъ нищихъ не отнимайте.» А иному говоритъ: «у тебя, кумъ, и у самаго хлѣба благодари Бога! такъ зачѣмъ ты у бѣднаго долю хочешь отнять? Ты и самъ сможешь часточку ему подать.» Эге! да и отучилъ, кому не должно, чтобы приходили къ нему; а раздавалъ только бѣднымъ, да у кого, при недостаткахъ, велика семья, да отецъ и мать старые, а дѣти маленькія; да еще когда кто въ семьѣ больной. А что малыхъ дѣтей приучилъ, такъ изъ всего села!

Только-что дастъ Богъ утро, то всѣ къ нему бѣгутъ съ большимъ шумомъ:

«Дѣдушка! дай хлѣбца!» то онъ ихъ за руку, да въ хату, а тамъ уже хлѣбъ напеченъ и на куски порѣзанъ.

А кто же его напекъ? Не Брусиха ли, Стеха? Не знаю! таковская! И сама не принимается и дочкамъ не велитъ; а что уже мужа своего такъ величаетъ, сколько можетъ! Онъ у нея и дуракъ, и божевольный (сумасшедшій), и разоритель, и что черезъ него она съ дѣтьми въ нищія пойдетъ, что онъ все имущество раздастъ, проѣстъ... и все ему высчитывала. А онъ и неуважалъ; какъ видѣлъ, что жена и сама не слушаетъ и дочкамъ не велитъ, такъ онъ нашелъ бѣдныхъ, трудолюбивыхъ женщинъ, да и нанялъ ихъ хлѣбы печь, каждый Божій день, на раздачу дѣтямъ и нищимъ, что уже пошли по-подъ окнами со всѣхъ селъ.

Что же дѣлали тѣ люди, что накупили хлѣба, да располагали его съ барышомъ продавать? Эге! чешутъ себѣ затылокъ, да цмокаютъ, да тихонько бранятъ все-таки тогоже Тихона, что имъ такую пакость далъ! Заперли свои амбары, сняли вѣсы и разошлись. «Пускай, говорятъ, Брусъ справляется: недолго будетъ чваниться; скоро весь рѣшить, тогда бросается и покупать, да негдѣ больше, какъ у насъ.

Тогда смѣло по двадцати будемъ брать, потому-что уже вездѣ такая цѣна. Вотъ и возьмемъ свой барышъ. Увидимъ!

Пришла пора сѣять, а у людей нѣтъ ни зерна. Тихонъ отворилъ свои амбары и говоритъ: «Берите, люди добрые, сколько кому на посѣвъ нужно. Не жалѣйте зерна, кидайте его въ землю; черезъ зиму насъ Богъ пропитаетъ, а какъ не посѣемъ, то Господь за лѣность нашу накажетъ насъ еще горше. Это бы мы совсѣмъ перестанемъ вѣрить, что Господь нашъ есть премилосердѣйшій, когда побоимся сѣять зерно, хотя намъ и нужно. Онъ наказалъ насъ какъ Царь Небесный за грѣхи наши, да и помиуетъ какъ Отецъ дѣтей своихъ. Пошлетъ намъ урожай такой, какаго и давно не видѣли, за то, что мы какъ-будто въ Его святыя руки кинемъ зерна.»

— А якъ цѣна буде? спрашиваютъ люди.

«А цѣна такая, что я не на деньги, а въ отдачу. Родитъ вамъ Богъ, отдадите, сколько кто возьметъ.»

— Да какъ это можно? Въ такой годъ, да безъ денегъ?

«Слава Тебѣ Господи! я не жидъ и не цыганъ; я знаю законъ христіанскій. Чего бы я достоинъ

былъ, если бы гдѣ, пускай Богъ сохранить! на пожаръ да я вывезъ бы воду, да тутъ бы ее ведрами продавалъ. Такъ и это. Какъ можно пробыть чело-вѣку безъ хлѣба? Какъ же, въ такой нуждѣ, да его бѣднымъ продавать, да еще и дорого? Богъ того по-бьетъ на семь свѣтъ, и на дѣтяхъ, и на имѣніи; а на томъ что еще будетъ? Берите же хлѣбъ святой, да кидайте его скорѣе въ мать нашу, землю, чтобъ по Божіему вѣлѣнію она насъ на тотъ годъ про-кормила.»

Это же такъ Тихонъ управляется; а тамъ враги на него, такъ чего бы то не выдумали, чего бы не сдѣлали, чтобъ его утопить, совсѣмъ съѣсть! Крѣп-ко же имъ досадно было, что они изубыточились, накупили хлѣба дорогою цѣною, чтобы при люд-ской нуждѣ, да хоть бы вдвое его продать, а тутъ э тотъ, такой - сякой, старѣй дѣдъ, не даетъ ни пылинки продать; тамъ раздавалъ, пускай уже свой, всѣмъ даромъ; а то уже и купленный, что уже знаемъ, что именно по дорогой цѣнѣ покупалъ, и тотъ раздаетъ безъ денегъ, какъ бы въ-займы...» Те, те, те, те! Постоите-ка! говоритъ изъ нихъ одинъ; я его подловлю. Не будетъ величаться. Сведу его къ тому, что и самъ по-подъ окнами пойдетъ и сухарю радъ будетъ...»

А тутъ вдобавокъ жена нападаетъ, такъ-что бѣдному Тихону и отдыху нѣтъ. «Сякой-такой, лы-

сый дѣдуга (старый хрѣнъ)! умъ отстарѣлъ. Обобралъ дѣточекъ и меня на старости, да все же промоталъ на тотъ хлѣбъ. Тутъ бы, въ такой годъ, и получить копѣйку, а онъ людямъ даромъ раздаетъ. Тютю, дуракъ! Видѣлъ ли кто такого глупца? Чортъ знаетъ, кому раздаетъ утромъ и вечеромъ, а мы, вся его семья, голодуемъ, да ѣдимъ отвѣшенный пай, какъ арестанты... Вотъ такъ ты одурѣй на старости!» То Тихонъ было-слушаетъ, слушаетъ; послѣ схватить себя за голову, да «а уже мнѣ эта морковь!» скажетъ, да скорѣе изъ хаты къ вѣсамъ, гдѣ его сыновья раздаютъ хлѣбъ. Тамъ ему только и весело, потому-что самъ видитъ, изъ какой нужды Богъ ему далъ людей выкупать.

Пока это происходило, дошла чрезъ начальниковъ такая вѣсть до Самага. Царя, что въ такой и такой Губерніяхъ великій неурожай, что хлѣба во все нѣтъ и что совсѣмъ голодъ. Господи милостивый! какъ-то тутъ пошло! Тотчасъ набѣжалъ исправникъ съ дворянами, и переписали, сколько у кого въ семьѣ душъ, сколько есть у каждаго хозяина хлѣба, и рассчитали, на сколько его станетъ, да и дали на всякую семью бумагу, что какъ у кого не станетъ своего хлѣба, такъ можно ему брать съ магазейна по стольку и по стольку на мѣсяцъ. У кого же не было ничего, тѣмъ приказано тотчасъ давать. Назна-

* Когда жена мужу зачто грызетъ голову, то выражаютъ: она скребетъ морковь (морковь скромадить).

чили къ магазейнамъ начальныхъ, да все изъ дворянъ и все грамотныхъ, чтобъ и счетъ зналъ и толкъ далъ. Такъ же по магазейнамъ не очень-то полно было хлѣба, потому-что въ хорошее время, кто его и думалъ вносить, хоть-было голова и приказываетъ и десятскіе понукають, такъ никто же и не думалъ. А зачѣмъ вносить? говорятъ-бывало: чтобъ погнѣлъ въ закромахъ? Слава Тебѣ, Господи, голодовать не будемъ. То-то и есть! пока человѣкъ въ добрѣ, да въ счастіи, такъ онъ думаетъ, что уже ему и все такъ будетъ, и не тужить ни объ чемъ и не готовить-себѣ ничего; какъ же постигнетъ бѣда, такъ тогда и объ полы бьетъ руками и волоса рветъ, да уже не поможетъ, хоть всю голову оборви. Такъ и тутъ было: что бы дѣлалъ, чтобъ пополнить магазейны, да ба! Тогда вспомнили, что и Тихонъ совѣтовалъ, чтобы собрать весь хлѣбъ съ тѣхъ, кто долженъ былъ—не послушали же.

Пока были начальники въ селѣ, то люди промежъ себя посовѣтовались и—негдѣ правды дѣвать!—и самъ Голова къ тому совѣту присталъ, чтобъ про Тихона никто ни словечка, что онъ пропитываетъ людей; а то говорили, какъ дослышатся, то не будутъ изъ магазейна никому отпускать. А это за тѣмъ такъ устроили, чтобъ про Тихона не прошла добрая слава и чтобы ему иногда отъ начальства не было какой благодарности. А Тихонъ и не уважаетъ! онъ еще и радехонекъ, что про него молчали. И какъ

спрашивало его начальство: много ли у него хлѣба? такъ онъ сказалъ: «благодарю Бога милосердаго! пропитаюсь до новаго; мнѣ не нужно никакой дачи.» Про покупной же хлѣбъ какъ спросили его, на что онъ и для чего, и по какой цѣнѣ онъ намѣренъ его продавать? такъ Тихонъ такой отвѣтъ далъ: «увиджу еще, что далѣе будетъ, тогда и скажу.» Какъ же его недоброжелателей тѣхъ, что накупили прежде хлѣба, да за Тихономъ не досталось имъ продавать, спросили, такъ тѣ сказали: «кому нужда будетъ, тому будемъ продавать по двадцати и по пять (25). Исправникъ махнулъ рукою да и записалъ ихъ и сколько въ нихъ было хлѣба, и то записалъ, какъ они, имѣя свой хлѣбъ, просили изъ магазейна, потому-что, видишь, то они не своимъ считали, а купленнымъ.

Какъ же рассчитали, что того хлѣба, что въ магазейнахъ, не станетъ надолго, то и написали объ этомъ Царю; такъ тотчасъ Царь таки изъ собственныхъ Своихъ, изъ Своей Царской казны прислалъ денегъ, чтобы, какъ можно скорѣе, покупали хлѣба, чтобъ было чѣмъ и пропитаться и, что еще нужнѣе, посѣять для будущаго года. Вотъ-то денегъ прислано! Намъ и тысяча рублей, и то сумма страшная, что изъ насъ кому-то, кому-то достанется, въ какомъ-то годѣ съ какими трудами пріобрѣсти; а то прислали такихъ тысячь тысячу, какъ нашъ батюшка-священникъ, да таки и писарь говорятъ, что то называется миллиономъ, что нашему брату, не то, чтобъ сѣумѣть его

пересчитать, да и мыслями додуматься, сколько въ томъ милліонъ есть рублей, никакъ не можно! Да такихъ-то милліоновъ прислано въ каждую губернію не одинъ и не два... А сколько же губерній такихъ, что Богъ прогнѣвался на народъ, до послалъ на нихъ голодъ! А въ каждой губерніи есть народу тоже милліонъ, а гдѣ и два. Такъ какой надобно головы расчитать, на сколько милліоновъ прислано денегъ? Это же только расчитать никто не можетъ, развѣ нашъ казначей, что въ казну подушное принимаетъ, да на счетахъ, какъ возьметъ, до зерна, какъ орѣхи перекидываетъ, и ни въ одной копейкѣ не ошибется, такъ разомъ и высчитаетъ; а дать же столько денегъ, кто можетъ, какъ не Царь нашъ милосердый... и все то за тѣмъ и трата такая, чтобъ бѣднѣйшій народъ не страдалъ безъ хлѣба... Вотъ истинно Отецъ къ Своимъ дѣтямъ!... И развѣ же только у Него и есть, что мы? Эге! Слава Тебѣ, Господи! есть нашего народа не мало, а тоже еще и Россійскаго, и Нѣмецкаго, и Татарскаго, и Калмыцкаго... и какаго-то народа нѣтъ! И всѣ же то идутъ подъ нашу державу, потому-что очень хорошо всѣмъ жить! И все же то нашъ милосердый Царь обо всѣхъ заботится и жалѣетъ какъ Отецъ дѣтокъ Своихъ. Развѣ же кто у насъ слышалъ такое, что рассказывалъ Демко Плескачъ, какъ возвратился изъ службы? Гдѣ-то онъ уже не ходилъ въ походахъ! Въ какихъ земляхъ не побывалъ! Такъ, говоритъ, былъ и у Англійскихъ Нѣмцовъ, а городъ такой, какъ нашъ Петер-

бургъ, и самъ царь ихъ тамъ живетъ. Такъ, говоритъ, идешь по улицъ, валяется человѣкъ... «Чего-то онъ?» Съ голоду умираетъ... А всѣ же-то ходятъ и смотрятъ, и всѣмъ нужды нѣтъ. Вотъ такое-то начальство! И смотреть и видятъ, и своему Царю не докладываютъ, и Царь съ нихъ не взыскиваетъ. Ну, ну! какъ бы у насъ такъ! Когда нашъ Царь узнаетъ, что одного нашего брата кто обидитъ и не защитятъ его, то ужъ даромъ не пройдетъ; а какъ бы одна душа отъ недосмотра умерла? Не знаю, что-бы тутъ было! Подержи же Его, Господи, и съ Царицею, и на нашъ вѣкъ, и дѣтей и внуковъ нашихъ, чтобы и тѣ хвалили Бога за такого Царя! и вставая и ложась молили за Него Бога, какъ мы дѣлаемъ!

Начальство, принявши казну, тотчасъ бросилось провъдывать, гдѣ хоть не много дешевль хлѣбъ, и разослало, чтобы, какъ можно, его закупать и скорѣе по селамъ поставить. Покуда же его понавезили и надали, Тихонъ, знай, управляется съ своимъ, все раздастъ... Какъ вотъ и пришелъ къ нему человѣчекъ съ добрымъ словомъ: «что, дядюшка Степановичъ! раздаешь ты хлѣбъ, а чѣмъ его воротишь?»

— Кто добрый будетъ, отдастъ, какъ сможетъ; а нѣтъ, такъ нѣтъ. Что за нужда!—Такъ говорилъ Тихонъ, насыпая вдовѣ муки въ узелъ.

«Такъ иной забудетъ, сколько возьметъ. Когда бы ты записывалъ, сколько кому даешь?»

— Я самъ не грамотный; а нанять? На что оно? не хочу.

«Да я тебѣ безъ найма буду писать; я немного цифры знаю. Хоть не затѣмъ, чтобъ послѣ съ нихъ собрать, а такъ, чтобъ для себя знать, сколько разойдется хлѣба. Дозволь-ка, дядюшка; я тотчасъ все спишу.»

— Да и пиши, когда тебѣ нѣкогда.

Вотъ тотъ человѣкъ и записываетъ мѣломъ на стѣнѣ въ амбарѣ... Спросить Бруса: «Едыку давалъ?»—Давалъ.—То онъ и пишетъ, сколько хочетъ, крестиковъ, это бѣ то четвертей, до палочекъ вмѣсто четвериковъ. «Прудкогляду давалъ?»—Нѣтъ—а человѣкъ таки-пишетъ... Да такъ въ день и въ два списалъ у Тихоновыхъ амбарахъ всѣ стѣны, а потомъ и исчезъ и не идетъ писать; а Тихонъ еще радъ, что онъ не идетъ и не мѣшаетъ ему управляться.

Вотъ тутъ враги его и подбились къ Исправничьему письмоводителю. Хитрые съ бѣса! знаютъ, съ какаго конца дѣло начать. Тотъ выслушалъ ихъ и слухнулъ съ нихъ, что ему надобно было, да и сталъ Исправнику внушать, что—говорить—въ такомъ-то селѣ есть великій мошенникъ Тихонъ Брусъ, онъ перевелъ все имущество свое и женщину на деньги, да продаетъ крѣпко непомѣрною цѣною, а какъ люди

въ нуждѣ, такъ все сбываютъ, да хлѣбъ покупаютъ; а Тихонъ у нихъ забралъ и скотину, и возы, и съ бездѣлицею не разстался, оголилъ весь міръ; какъ же нечего брать, такъ въ долгъ раздаетъ, да только кому дастъ четверть, а запишетъ три; кому четверикъ, а запишетъ четыре; и думаетъ, что какъ вотъ это пройдетъ бѣда, станутъ люди обживаться, то Тихонъ всѣхъ обберетъ, чтобъ только самому разбогатѣть, а всѣхъ въ нищіе пустить. «Такъ—говорилъ письмоводитель—надобно неотмѣнно слѣдствіе учинить; вотъ бы я, ваше благородіе, поѣхалъ туда, да все бы розыскалъ въ одинъ день, и тогда бы только, чтобы вы повелѣли съ такимъ мошенникомъ дѣлать.»

Эге! Да не на таковского ты, братъ, наскочилъ! Какъ бы тотъ Исправникъ, что прежде смѣнили, тотъ бы всему повѣрилъ, и бѣднаго Тихона ободрали бы, какъ молоденькую липку, а что горше, не дали бы ему докончить своего дѣла; этотъ же Исправникъ все выслушалъ, да и говорить: «это такое дѣло, что надобно мнѣ самому разборъ сдѣлать.» И прибѣжалъ въ село.

Не хитро же и Исправникъ взялся! Прежде выспросилъ тѣхъ, кои злы были на Тихона, и того чело-вѣка, что записывалъ Тихону заборъ хлѣба, что притворился будто и добрый, а это онъ отъ нихъ и наученъ былъ. Чего-то уже они на Бруса не наговорили! Хоть голову ему тотчасъ снимай. Послѣ Ис-

правникъ бросился сюда-туда, спрашиваетъ, такъ все—и что то — и малыя дѣти, и тѣ про Тихона, какъ про роднаго говорятъ, какъ онъ всѣмъ хлѣбъ и мукою, кому нада, а кому съменами на посѣвъ даетъ и все безъ денегъ, нужды нѣтъ, что у него покупной хлѣбъ, а въ отдачу, какъ Богъ родитъ новый; что онъ и не записывалъ никогда какъ давалъ, что и малымъ дѣтямъ каждый день раздаетъ печеный хлѣбъ; да какъ теперь вездѣ бѣда, такъ и чужіе, а есть и изъ дальнихъ мѣстъ, какъ плавать плывутъ и все къ нему, а онъ всѣмъ раздаетъ и всѣхъ пропитываетъ.

Вотъ тогда уже Исправникъ прямешенько пошелъ къ Тихону. Вошедши въ хату, помолился Богу и тотчасъ спросилъ хозяина. Тихонъ, не имѣвши за собою никакой вины, не бояся, вошелъ къ нему, поклонился... какъ Исправникъ къ нему, взялъ его за голову, поцаловалъ и говоритъ: «почтенный старичокъ! чрезъ такихъ людей и насъ Богъ милуетъ!» а потомъ—вотъ, ей Богу, что правда!—поклонился ему низко и говоритъ: «благодарю тебя, старикъ, что ты въ такую несчастную годину дѣлаешь такъ, какъ Богу пріятно и бѣднымъ людямъ въ нуждѣ помогаешь.» Потомъ сѣлъ и Бруса посадилъ подлѣ себя и сталъ записывать: сколько у Тихона было своихъ денегъ, сколько занялъ и кому что заложилъ, сколько хлѣба купилъ, сколько роздалъ и сколько его осталось (а уже самая малость оставалась), какъ еще думаетъ стараться, чтобъ пропитать какой бу-

детъ немущій, потому-что уже всѣмъ казенный хлѣбъ раздавали; какъ думаетъ розданный на посявъ хлѣбъ собрать. . . все-все списалъ; такъ на послѣднее Тихонъ говоритъ: «а какъ собрать? когда отдадутъ, возьму; а нѣтъ, такъ нѣтъ; это такое.»

— Какъ это можно? — говоритъ Исправникъ: — ты всѣ свои деньги на хлѣбъ издержалъ и останешься въ бѣдности? —

«Одинъ Богъ богатъ, ваше благородіе! Надобно тутъ зарабатывать, чтобъ тамъ отъ Него милость получить. Дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро. (Добре робы, добре и буде).»

— А жена и дѣти твои? Вѣдь же ты ихъ всего лишилъ! —

«Не было у нихъ прежде ничего, работали, трудились, и Богъ намъ далъ. Опять надобно работать, трудиться, и насъ Богъ не оставитъ, когда и комарика и маленьку комашечку призираетъ. . .»

Исправникъ писалъ что-то долго, потомъ говоритъ: «старикъ, Богъ тебя не оставитъ и на этомъ свѣтѣ: пошлетъ тебѣ милость свою чрезъ нашего Государя. Дѣлай, какъ дѣлаешь, и не бойся ничего; и я тебѣ скажу: «дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро! Прощай.»

Вотъ, отъ Тихона, Исправникъ прямо къ тѣмъ людямъ, что располагали утопить Бруса; разспросилъ ихъ, гдѣ и по чемъ хлѣбъ покупали и зачѣмъ не продаютъ? Они такъ и рассказывали, что черезъ всякаго-такаго Бруса не можно имъ было и зерна продать, а теперь ждуть весны, какъ цѣна еще выше будетъ. . .

«А чтобъ вы не дождали Христіанской крови пить!» сказалъ Исправникъ, да къ ихъ амбарамъ—и запечаталъ, и приказалъ Головъ, чтобъ караулъ былъ, чтобъ никто не распечаталъ впередъ до времени—и поѣхалъ далѣе.

Батюшка мой! Какъ возстали на Тихона эти его враги! онъ, говорятъ, оболгалъ ихъ Исправнику, онъ ему что-нибудь поднесъ, чтобъ нашимъ хлѣбомъ распоряжаться. . . да тамъ такого говорили на него, сохрани Боже! Такъ что же сдѣлали? Ничегошенько. Какъ вѣтеръ въ полѣ вѣялъ, такъ и ихъ ложь! . . . никто имъ не вѣрилъ и не слушалъ ихъ.

Какъ вотъ опять скоро наѣхалъ въ село Исправникъ, да не къ волости, а прямехонько къ старому Тихону а за нимъ, въ коляскѣ Генераль съ золотыми кистями на плечахъ, на груди золотая звѣзда, а на шеѣ все кресты: даже отъ него сіяетъ. Старый Тихонъ, какъ увидѣлъ такихъ гостей, такъ даже затрясся, не испугавшись, а удивляясь, что такой великій господинъ къ нему пріѣхалъ, и зачѣмъ бы то?

Вотъ, вошедши въ хату, Исправникъ тотчасъ и сказалъ, что это Генераль пріѣхалъ отъ Самаго Царя, что Царь, пославши таки вездѣ деньги на хлѣбъ и повелѣвши раздавать всеѣмъ съ порядкомъ, еще-таки послалъ и Генераловъ и каждому далъ по большой суммѣ, чтобы такъ, какаго увидятъ бѣднаго, стараго, немощнаго, калѣку; чтобы по рукамъ на ихъ бѣдность раздавали, чтобы скорѣе, кому нужда, помощь подать. Такъ вотъ это Генераль заѣхалъ въ нашъ уѣздъ, и прослышавши про Тихона, хочетъ ему сколько тысячь отдать, чтобы онъ, какъ началъ бѣдныхъ надѣлать, такъ чтобы тѣмъ же порядкомъ и Царскія деньги на милостину раздавалъ, или покупая хлѣбъ, хлѣбомъ снабжалъ.

Тихонъ, какъ только услышалъ, что это Генераль, присланный отъ Самаго Царя, то такъ ему въ ноги, а Генераль такъ и крикнулъ на него, да велѣлъ встать и слушать его. Вотъ Тихонъ все и стоялъ передъ нимъ, наклонивши голову, какъ прилично передъ великимъ господиномъ. Потомъ, какъ рассказалъ все Исправникъ, Генераль еще снова говорилъ, чтобы Тихонъ отъ Исправника принималъ, сколько ему нужно будетъ денегъ, и чтобы дѣлалъ, какъ лучше знаетъ, лишь бы бѣднымъ помогать, и чтобы они знали, что это вспомошествованіе отъ Царя и Царицы идетъ, такъ чтобы они за Нихъ молилися Богу.

Тихонъ и въ другой разъ упалъ — было къ его ногамъ, какъ выслушалъ все и говоритъ: «достоинъ ли я такой чести, чтобъ Царскую казну...»

А Генералъ и перервалъ его, и ударивъ его рукою по плечу, и началъ говорить, что онъ слышалъ, что Тихонъ человекъ разсудительный и знаетъ, кому какъ въ нуждѣ помогать. Приказывалъ, чтобъ взялъ у Исправника нѣсколько денегъ, да и проискивалъ какихъ бѣднѣйшихъ, да тотчасъ бы имъ и помочь подавалъ. Потомъ спрашивалъ у него, какъ онъ думаетъ лучше: хлѣбомъ ли раздавать, или деньгами по рукамъ; и сколько ему надобно на первый случай суммы отсчитать?

Вотъ Тихонъ, не робѣя ничего, такъ прямо и сталъ говорить: «позвольте мнѣ... ваше... благо... родіе... сіятельство...—извините, мы мужики простые, не умѣемъ какъ такого господина и величать, не только съ нимъ говорить; такъ пускай будетъ по нашему, не во гнѣвъ вамъ: добродѣю! — да и поклонился передъ нимъ.

Генералъ, извѣстно, не понялъ, что ему Тихонъ по нашему говорилъ, да и спросилъ Исправника. Какъ же тотъ ему растолковалъ, что «добродѣю» значить, что добро-дѣетъ, или дѣлаетъ добро, такъ Генералъ даже засмѣялся, да и говоритъ: «хорошо,

хорошо , мужичекъ! Зови меня добродѣю; это по-лучше сіятельства*.

Тихонъ опять поклонился и сталъ свое гово-рить: «моя мысль , добродѣю , такая , что всякіе просятъ помощи: иной отъ нужды , а иной, чтобъ бездѣльничать. Когда же кто проситъ отъ нужды, тотъ больше радъ будетъ хлѣбу святому , потому-что съ деньгами еще ему надобно будетъ итти, чтобъ купить, а онъ, можетъ, уже третій день какъ хлѣбъ видѣлъ. Когда же кто мошенникъ , такъ тотъ хлѣбу и не радъ будетъ; ему давай денегъ, чтобы пьянство-вать , или что другое такое дурное дѣлать. Такъ лучше всего будемъ давать хлѣбомъ; а черезъ то всѣ, кто бѣду терпятъ, всѣ къ намъ соберутся; а тѣ, что плачутъ, услышавши, что у насъ денегъ не раз-даютъ, удалятся отъ насъ прочь.»

— Правда, правда твоя—сказалъ Генераль: «дѣ-лай, какъ самъ знаешь. А сколько же тебѣ суммы отпустить? Я далъ Исправнику пять тысячъ. Хочешь, всѣ возьми, я тебѣ вѣрю.

«Покорно благодаримъ, добродѣю! сказалъ Ти-хонъ поклонившись: «какъ глазъ , обязанъ беречь и копѣйку Царскую, не то что; да только вотъ что:

* Къ сожалѣнію , выводится ужъ величаніе, добродѣю; уже большею частію титулуютъ, по-Московскому: ваше благородіе и т. под. или иногда «батюшка.»

теперь, по Царской милости, весь народъ съ магазейновъ хлѣбъ беретъ и голоднаго нѣтъ никого, а которые пошли на заработокъ повсѣмъ мѣстамъ, и черезъ такую великую милость Царскую — поддержи Его Господь на свѣтъ! — всякъ черезъ зиму пропитается; такъ черезъ зиму довольно будетъ и одной тысячи; удовлетворимъ, когда кто явится голодной; а вотъ уже весною, да пока до новаго хлѣба, тутъ большая нужда постигнетъ; съѣдать все, продать все, заработокъ уже не тотъ будетъ, станутъ возвращаться домой; по дорогѣ не очень гдѣ выпросятъ; такъ вотъ тутъ-то бѣда такая придетъ, что и сохрани Боже! такъ вотъ тогда тѣ четыре тысячи большую помощь сдѣлають.»

— Правда, правда твоя, старичекъ, правда. Такъ и дѣлай, сказалъ Генераль, да и приказывалъ Исправнику, чтобы у тѣхъ людей, что накупили осенью хлѣба, да располагали дорогою цѣною продавать, такъ весь тотъ хлѣбъ взять и отдать Тихону на раздачу бѣднымъ за Царское здоровье, а имъ уплатить изъ казны деньги, по чемъ они его покупали, и процентъ еще положить за тѣ мѣсяцы, да имъ приказать, чтобы въ другой разъ не рѣшались черезъ людскую бѣду барыши брать, а съ людей кожду драть. Потомъ Генераль уѣзжая, усмѣхнувшись, говорить Тихону: «прощай, добродѣю!»

Тихонъ, оставшись, самъ себя не зналъ, наяву ли это ему, или, такъ, во снѣ, что онъ такой чести

дождался, что ему Генераль, отъ Самага Царя, сумму повѣрилъ казенную и не малую таки, и что съ нимъ шутить и добродѣемъ его, въ шутку, называется. Вотъ какъ задумался объ этомъ, а тутъ Исправникъ и позвалъ его къ дѣлу. Пошли къ тѣмъ людямъ, что враги Тихоновы; Исправникъ рассчиталъ ихъ и заплатилъ имъ все на-чисто; а какъ прибавилъ имъ и процентъ, за сколько мѣсяцевъ причиталось, такъ они и обрадовались, потому-что уже и сами спохватились, что не хорошо было-выдумали. Вотъ Исправникъ ихъ съ Тихономъ помирилъ, и стали пріатели. А хлѣбъ Тихонъ отъ нихъ принялъ и сталъ по-своему распоряжать.

Тоже таки этотъ хлѣбъ, да купленный за Царскія деньги; а то Тихонъ збылъ и волю, и возы, и все, какъ къ осени пришло, что уже нечѣмъ было кормить; все збылъ, все рѣшилъ, да на хлѣбъ перевелъ, да пропитывалъ народъ.

Какъ вотъ — благодареніе милосердому Богу! — перебыли такъ-сякъ голодную зиму, дождался весны. . . Зимой были великіе снѣга и мѣстами такъ его накидало, что аршина въ три было; а вездѣ, на ровномъ, и не было меньше аршина. Какъ укрылъ снѣгъ землю, тогда ударили морозы — да и крѣпкіе же были! Ужъ доставалось лысымъ, да плѣшивымъ! Не одну дюжину ихъ насчитывали, чтобъ морозъ

лопнулъ; такъ ничего и не легчалъ *. Только лишь поворотило солнце къ веснѣ, какъ разъ послѣ сорока мучениковъ (9-го Марта), тотчасъ и стало растаивать. А люди свое зашумѣли: «вотъ величайшая половодъ будетъ! Вотъ заметъ всѣхъ! пропали плотины, не выдержитъ ни одна, когда нагрѣется вода. А Тихонъ покачаетъ головою, да и говоритъ: «увидите, что такъ ли оно будетъ!»

Повѣсть теплый вѣтерокъ, пригрѣетъ солнышко: «вотъ-вотъ на ночь вода въ прудъ прибудетъ» говорятъ люди; ожидаютъ — нѣтъ воды. Весь снѣгъ взялся водою, а вода внигдѣ не бѣжитъ, и все, что день, воды меньше и снѣгу меньше. Черезъ недѣлю и снѣгу нѣтъ и воды нѣтъ, и въ полѣ не грязно и сухошенько вездѣ. «Гдѣ это вода дѣвалась? — удивляются люди, «видно въ землю вся вошла?» — Не что—говоритъ Брусь — молитесь Богу; отъ Него одного вся милость! —

Какъ же пригрѣетъ солнышко, какъ и въ прошломъ лѣтѣ! какъхватила суша! Люди въ тугу. «Не будетъ и сей годъ хлѣба!»—даже плачутъ нѣкоторые—«нечего больше дѣлать: выкопаемъ ямы, да и ляжемъ заблаговременно; нечего дѣлать! Дождя нѣтъ, солнышко припекаетъ, по дорогѣ даже пыль отъ засухи... а хлѣбецъ растетъ, знай растетъ, и

* При зимнихъ морозахъ, чтобъ они унялися, насчитываютъ двѣнадцать плѣшивыхъ.

травѣ въ полѣ—какъ тамъ говорятъ—даже шумитъ, лѣзетъ изъ земли. . . Люди удивляются, и видя, что хлѣбъ день ото дня все лучше, все лучше, уже не тужатъ, да знай съ яровымъ поспѣшаютъ. Уже и ее Богъ возрастилъ; какъ щетка!

Тихонъ и самъ удивляется на такую весну, говоритъ людямъ: «никогда не должно гнѣвить милосердаго Господа пересудами: зачѣмъ вотъ это и зачѣмъ то не такъ, зачѣмъ это не сякъ? Можемъ ли мы знать, что и когда нужно? Можемъ ли мы понимать, что и для чего дѣлается? Человѣково ли дѣло разсуждать про силы Божіи? Онъ старый хозяинъ. Онъ одинъ все знаетъ, что когда и сколько чего послать. Намъ только должно молиться Ему, чтобъ посылалъ благодать Свою не по грѣхамъ нашимъ, а по Своему милосердію; да благодарить на всякъ часъ и за то, что живемъ и что свѣтъ Божій видимъ, что пропитываемся, что Богъ далъ кому жену, дѣточекъ, кому искреннихъ пріятелей. . .» Такъ всѣмъ твердилъ Тихонъ, а самъ таки-дѣлалъ свое.

Еще въ концѣ зимы, отдалъ ему Исаввицкѣ всю сумму Царскую и написалъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ Богъ благословилъ хлѣбомъ, чтобы Тихону всякую помощь давали, и чего ему нужно будетъ, чтобъ доставляли какъ такому, что за нужнѣйшимъ казеннымъ дѣломъ посланному, и тѣ бумаги отдалъ Тихону и послалъ его.

Бросился нашъ Брусь, такъ-что ну! И молодой такъ не справится, а ему и старости нѣтъ, потому-что Богъ его подкрѣплялъ, что за доброе дѣло взялся. Гдѣ хлѣба приторгуешь, гдѣ подводы наймешь, да все недорого и все дешевле противъ всѣхъ, что тогда со всѣхъ голодныхъ мѣстъ бросилися закупать; да хотъ они были дворяне и офицеры, да все не удалось имъ такъ справиться, какъ простому мужику, Тихону Брусу, съ сѣдою бородою, да съ превеличайшею лысиною.

Сбѣжались разъ на мосту и такіе господа, какъ ихъ тогда звали, комиссары, и Тихонъ, и остановились, потому-что черезъ мостъ фура шла, такъ-что воевъ двадцать съ одной стороны, да съ другой навстрѣчу, можетъ быть, было съ двѣнадцать. Это же извѣстно, что наши, хотъ сколько дорогою будетъ итти (ѣхать), то и ничего; только же войдутъ въ такое мѣсто, на плотинѣ ли гдѣ, на мосту ли, или въ переулкѣ, то тотчасъ передній и отзовется: «а постойте, хлопцы! А дай, Харько, табаку; твой крѣпче.» Или надо огня высѣчь на трубку, или онучи подвязать, или что-нибудь; и уже неотмѣнно тутъ станутъ, да и балагурять; а тамъ, что проѣзжіе стоятъ, да дожидаются, пока они съ тѣснаго мѣста выѣдутъ, такъ то имъ и нужды нѣтъ—развѣ какой догадливый вскочитъ съ лошадей, да начнетъ имъ по спинѣ, да черезъ спину рушники плетью давать, такъ тогда опомнятся, да замашутъ кнутиками и выѣдутъ на

просторъ, да тутъ уже начать ругать и отца, и мать, и весь родъ того, кто ихъ билъ; а себя бы больше должны бранить, что не раздумавши остановились и заставили людямъ дорогу.

Такъ вотъ такъ - то и тутъ было. Ёдетъ фура, въ-стрѣчу другая. Цобе да цобе, а самъ знай машетъ кнутикомъ и не смотритъ, что есть впереди, да и доцобкался до мосту. Одинъ говоритъ: «верни цобе (направо) и я возьму цобе, то и разъедемся.» А встрѣчный говоритъ: какъ же мы разъедемся, когда мостикъ узокъ? верни ты назадъ. «Але!» первый говоритъ: «какъ я поверну, когда — видишь — круто-бережно; развѣ на печь подерусь?» Такъ и есть! что же тутъ на-свѣтъ дѣлать? фить-фить! — а тотъ себѣ: — фить-фить! — да такъ себѣ и фитьфитькають... а тамъ за рожки, да похваляютъ одинъ у другаго табакъ, а потомъ спрашиваютъ, кто съ чѣмъ, и откуда и куда идетъ, и гдѣ кормили на зарѣ, и гдѣ вода лучшая... патя да патя, да праспатыкались, какъ будто цѣлой вѣкъ имъ вмѣстѣ на этомъ мѣстѣ жить; а что колокольчикъ гремитъ, и уже и недалеко, и что Тихоновъ погонщикъ кричалъ на нихъ, кричалъ, а то уже сталъ и ругать, такъ они того и не слышатъ; да уже подбѣжалъ комиссаръ да съ своимъ казакомъ; прежде перекрестили сего и того нагайками, а послѣ призвалъ всѣхъ фуршиковъ, откинули возы, да и попереѣзжали: а фуры и бросили, пускай себѣ, какъ знаютъ, такъ и справляются.

Вотъ при этомъ-то перевозѣ комиссаръ и разспрашивалъ Тихона, что онъ за человѣкъ и куда ѣдетъ? Какъ же ему Тихонъ разсказалъ все, и гдѣ, и у кого, и по чемъ хлѣбъ купилъ, такъ комиссаръ даже удивился, что и онъ у того же у самаго купца хлѣбъ купилъ, что и Тихонъ, такъ двумя рублями дороже.

— Отъ чего это оно такъ есть? спросилъ комиссаръ.

«А отъ того, пане!» говорилъ Тихонъ: «вы паны и все хотите по-пански дѣлать. Не прогнѣвайтесь за это слово. Вы, какъ торгуетесь, то будто приказываете, чтобъ всѣ знали, что вы есть паны, а мы просимъ, да просимъ, да молимъ; и за тѣмъ рублемъ, или и за полтиною, такъ мы и день лишній живемъ и лишнюю чарку пьемъ, и все дѣлаемъ, какъ бы подольститься, да что нибудь выторговать, потому-что намъ Царской суммы жаль. Хотъ и мы знаемъ, что у Царя денегъ много, да такъ себѣ съ простоты разсуждаемъ, что и много есть куда Ему ихъ и тратить; такъ я тутъ выторгую какой рубль, а онъ въ другомъ мѣстѣ пойдетъ къ дѣлу, вотъ я и услужилъ, и Царской казнѣ все-таки легче. Я же почему купилъ, такъ и счетъ веду, и въ книгу такъ приказываю записать, а не присчитываю ни одной копѣйки; потому-что грѣхъ смертельный казну красть и по книгамъ съ ложью записывать... Прощайте,

пань-коммисаръ! можетъ, вамъ некогда?... погоняй, хлопче!...» кашлянулъ-себѣ Тихонъ и поѣхалъ, да все что-то ворчалъ, да сплевывалъ, даже пока далеко заѣхалъ.

Дома же не надасть Тихонъ никакъ хлѣба Народу, народу! одинъ за однимъ какъ плавъ плывутъ. Всѣ бросились изъ заработковъ къ домамъ; пропитываясь же, такъ истощились, что уже, не только что въ домъ осталось, да и на плечахъ одежда чуть-чуть держится; продать и заложить вовсе нечего; такъ всѣ къ Тихону... у него своей рукой берутъ и мукою и печенымъ. А какъ прошла молва вездѣ, что въ такомъ-то селѣ есть Царская сумма, и что на нее раздаютъ всѣмъ хлѣбъ, такъ со всѣхъ мѣстъ народъ такъ и нахлынулъ.

Уже чуть-чуть хлѣба стаетъ, уже такъ-что въ закромахъ мѣркою и дно черкается; да уже Тихонъ и не тужить, хоть и Царскую сумму всю кончилъ, и у самаго, не только чтобы какая копѣечка, да и одежда старенькая, только та, что на немъ, да на женѣ и на дѣтяхъ. И негдѣ ничего уже и взять; такая бѣдность, такая бѣдность, что сохрани Матерь Божія!... а Тихонъ ничѣмъ и не уважаетъ и не слушаетъ, какъ его Стеха и бранить и ругаетъ; ему все нужды нѣтъ, потому-что видитъ, какъ Господь молодой, Отецъ нашъ небесный, послалъ благодать въ новомъ хлѣбѣ. Да и хлѣбъ же Богъ уродилъ!

старые люди, что лѣтъ по семьдесятъ живутъ на свѣтѣ, не запомнять такого! Какъ же приспѣлъ, какъ бросились всѣ, кто только смогъ, и мужчины, и женщины, и мальчики, да и дѣти туда же: кто жнетъ, кто перевязъ вертитъ, кто связываетъ, а кто носитъ снопы, да такіе, что сильному человѣку больше двухъ не можно и поднять; а одного и погонецъ (мальчикъ лѣтъ 14-ти, при паханъ погоняющій воловъ въ плугъ) не донесетъ. Какъ же по гумнамъ ударили въ цѣпы... такъ что копна (60 сноповъ), то и четверть!.. Вотъ уже хвалили Господа милосердаго!

А какъ привелъ милосердый Создатель нашъ разговѣться новымъ хлѣбомъ!... Вотъ уже радость была! Таки именно, какъ на великъ-день (Свѣтлое Воскресеніе), кто живой дождетъ! разгавливались паскою освященною, такъ всякъ принималъ новый хлѣбъ въ первый разъ—и уже перваго куска не съѣлъ его сухаго... обольетъ его слезами, благодаритъ отъ чистаго сердца Господа милосердаго, да тогда и съѣсть...

Что же сами повѣли, а что стали немущихъ, да проходящихъ обдѣлять. У инаго уже полная торба, а тутъ еще ему тычутъ хлѣбъ: «возьми» говорятъ «пожалуйста возьми, сдѣлай милость, будь ласковъ, возьми.» Такъ-то всякъ, какъ узнаетъ нужду, такъ по неволѣ добрымъ станетъ...

Что же съ нашимъ Тихонсмъ? Можетъ, люди въ счастіе его совсѣмъ забыли? Ну, ну; не знаю, чтобъ такого старателя забыли. Была ли въ селѣ такая душа, хоть старое, хоть малое, чтобъ ему не благодарили! И какъ же можно? Всякъ видѣлъ, что онъ лишился и денегъ, и скотины, и всего имущества, обобралъ и жену, и дѣтей, самъ свелся ни на что, и все за тѣмъ, чтобъ пропитать людѣй, не то, чтобы бѣдныхъ, неимущихъ, да-таки и всѣхъ, потому-что голодъ всѣмъ равенъ былъ. А что наиболѣе онъ мудро сдѣлалъ, что раздалъ людямъ сѣмена на посѣвъ. Чтобы теперь дѣлали? и какъ бы вышли опять изъ бѣды? Черезъ него же и Царскій Генералъ оставилъ здѣсь Царскую казну, и ею пропитались въ самое злое время! Такъ какъ бы то уже его забыть? Вотъ же-то, какъ только хлѣбъ поспѣлъ, такъ тотчасъ отъ всякаго двора вышло по женцу, и въ одинъ день всю ниву Тихонову сжали, и повязали и въ копны сложили. А какъ пекли новый хлѣбъ, такъ каждый хозяинъ принесъ, или прислалъ ему по новому хлѣбу.

Это было на самаго Прокопія (8-го Іюля); какъ только насталъ день Божій, такъ и повалилъ народъ къ Тихону. . . Человѣкъ войдетъ, помолится, хлѣбъ святой положить, да Тихону припадетъ къ ногамъ и сквозь слезы говорить: «прими, дядюшка, хлѣбъ святой, что черезъ тебя Богъ послалъ мнѣ съ семьею моею, что ты ихъ пропиталъ въ такую несчастную годину.» Тамъ дитя вбѣжить, да тоже хлѣбецъ не-

сеть, да лепечеть: вотъ это, дѣдушка, мама тебѣ прислала уже нашего, за то, что ты, спасибо тебѣ, насъ черезъ зиму прокормилъ. Я какъ великъ буду, то все тебѣ буду благодарить и тебѣ хлѣбецъ носить, что черезъ тебя моя бабушка не умерла и я съ голоду не пропалъ.» Тамъ войдетъ дѣвчонка, да все съ хлѣбомъ, да съ благодарностію, что ихъ, сиротъ, безъ отца и безъ матери, онъ прокармливалъ и не далъ имъ въ нуждѣ погибнуть. Тамъ сей, тамъ тотъ, и все благодарятъ, все хлѣбъ несутъ ему, какъ прежде сего отъ него хлѣбъ брали. Принималъ онъ, принималъ тѣ хлѣбы, складывалъ ихъ все на столъ, а самъ знай-только слезы отираетъ, пока накласть ихъ полонъ столъ; надъ тѣмъ хлѣбомъ сложилъ накрестъ руки, поднялъ глаза къ Богу, да какъ заплачетъ, какъ бросится на колѣна, и сталъ тихонько молиться. . . а потомъ всталъ, сталъ благодарить людямъ, что принесли каждый ему уже своего новаго хлѣба, а потомъ и говоритъ: «не за что меня благодарить за пропитаніе ваше: Господь насъ всѣхъ, по милосердію Своему, не оставилъ и послалъ намъ таковаго милосердаго Царя, что и мѣры нѣтъ. Безъ Его любви, хлопотъ и старанія объ насъ чтобы мы всѣ! Магазины тѣ, что по Его повелѣнію намъ давно должно было наполнить, а мы объ нихъ и не думали, да весь хлѣбъ поѣдали — могли бы насъ удовлетворить, хотъ бы и совсѣмъ полны были? Нѣтъ, не надолго стало бы и того хлѣба. Такъ Онъ намъ прислалъ Свою казну, повелѣлъ по всѣмъ мѣстамъ

покупать хлѣбъ и насъ пропитать; повелѣлъ, чтобы, кто хочетъ, расходились въ лучшія мѣста для заработковъ, и за билеты не повелѣлъ съ насъ денегъ брать и про подушное не велѣлъ беспокоить; такъ вотъ Кто насъ отъ бѣды избавилъ! А я что? Что я могъ самъ сдѣлать? Ничегохонько. Да и послѣ я исполнялъ только волю Царскую и начальниковъ; кого бы изъ васъ ни приставили, всякъ бы тоже сдѣлалъ. Такъ не мнѣ должно благодарить; уже вы мнѣ и такъ много помочи дали, убравъ хлѣбъ. Теперь благодарите прежде всего Богу милосердому, Отцу на небеси, а послѣ Царю нашему, щедрому Отцу на земли, да и станемъ дѣлать, что намъ повелѣваютъ: Господь велитъ любить и помогать одинъ другому и Царь тоже повелѣваетъ. А намъ еще должно знать, что безъ денегъ не можно ничего сдѣлать, какъ и сами при этой лихой годинѣ видѣли, такъ и Царю нашему не можно ни войска содержать, и никакого порядка дать; а казны много истрачено въ этотъ годъ, ни на кого же больше, какъ на насъ, по всѣмъ Губерніямъ, гдѣ голодъ былъ; такъ и намъ теперь должно, какъ можно, броситься и зарабатывать, да подушное вносить, да недоимку, на комъ есть, уплачивать: тогда и Царь насъ пожалуесть, и Господь помилуетъ, и видя, что мы добрыя и покорныя дѣти, не пошлетъ намъ больше никакой бѣды, и Царя нашего сохранить на семъ свѣтѣ для нашего же счастья на многія лѣта.»

Тутъ весь народъ — а ихъ было-таки не мало однихъ стариковъ—такъ и закричали: сохрани Его Господи для нашего и дѣтскаго счастія на многія лѣта!

Какъ тутъ—откуда услышался колокольчикъ... и прискакалъ Исправникъ, да прямо къ Тихону въ хату, да и крикнулъ тотчасъ: «ступайте весь народъ къ волости; Губернаторъ пріѣхалъ; собирайтесь всѣ; есть дѣло. Тихонъ, поидемъ со мной и съ женою и съ дѣтьми.»

Вотъ народъ и бросился весь къ волости, а по дворамъ десятскіе бѣгаютъ, да собираютъ, чтобы и старое и малое, всѣ чтобы шли туда, потому-что дѣло есть. Собралась громада, а тутъ и Исправникъ пришелъ и за нимъ Тихонъ, и Стеха и дѣти ихъ. Стеха бы то шла, да на-двое думала: зачѣмъ ее съ дѣтьми ведутъ къ Губернатору? Или меня накажутъ, зачѣмъ я все бранилась съ Тихономъ; или, больше того, что его накажутъ, зачѣмъ обобралъ у меня всю одежду; и когда бъ таки хорошенько, да хорошенько...

Только - что стали къ волости доходить, тутъ вышелъ къ громадѣ самъ Губернаторъ и спрашиваетъ: гдѣ Тихонъ Брусь? Вотъ Исправникъ и подвелъ его. Губернаторъ взялъ его за руку, и поставивши подлѣ себя, да и говорить: «стань здѣсь, почтенный ста-

ричокъ!» да и далъ Исправнику бумагу и велѣлъ въ-
слухъ читать... Господи милостивый! Что же то
тамъ написано было!

Къ Самому Царю дошло до свѣдѣнія, что въ
этотъ голодный годъ Тихонъ дѣлалъ, какъ старался,
какъ людей пропитывалъ, и какъ за Царскую казну
исправно покупалъ и порядкомъ его всѣмъ раздавалъ;
а что наиболѣе, что самъ всего своего имѣнія лишил-
ся и все употребилъ на пропитаніе людей въ своемъ
селѣ. Такъ за это все Царь прислалъ ему медаль
серебряную, великую, а на ней самое таки настоя-
щее Царское лице, и повелѣвалъ ту медаль надѣть на
Тихона на лентъ, да широкой, да красной, какъ
обыкновенно бываетъ *кавалерія*. Да еще сверхъ того
повелѣвалъ изъ Своей Царской казны выкупить все
имущество, что заложилъ Тихонъ, и его, и женщи-
но, и дѣтское, и пополнить ему всѣ деньги, сколько
онъ издержалъ на пропитаніе людское.

Какъ это прочитали, такъ народъ удивился отъ
радости, а Тихонъ стоитъ наклонивши голову и не
помнить себя, въ раю ли онъ, или гдѣ? Малой ли
чести онъ дожился?

Потомъ Губернаторъ вынулъ изъ ящика ту Цар-
скую медаль и повѣсилъ на лентъ на шею Тихону,
а тотъ такъ и упалъ на колѣна, да плачетъ же-то
отъ радости, какъ малое дитя. А тутъ и Стеха съ

дочками тоже припала къ ногамъ Губернатора, да цалуетъ ихъ; только уже неизвестно, рада ли она была медали, что мужу ея надѣли, или тому, что воротилися ея очипки, и плахты, и намысты, и все...

Вотъ Губернаторъ, надѣвши медаль, поднялъ Тихона и поцаловалъ его въ голову и сказалъ: «поздравляю тебя, почтенный старичокъ, съ Царскою милостью!» Потомъ велѣлъ Исправнику все имущество Тихоново, что тутъ было уже привезено и изъ-подъ залога выкуплено, и деньги, сколько повелѣно было, отдать все Тихону, а обществу приказать, чтобы всѣ Тихона и уважали и почитали. А женѣ приказывалъ, чтобы не спорила и не бранилась съ мужемъ, и слушала бы его во всемъ, и дѣтей учила слушать отца потому, что онъ ни вздумаетъ, то все на пользу. Потомъ опять къ Тихону и говорить: «видишь, старикъ! ты не ошибся: дѣлай добро, вотъ и тебѣ будетъ добро!» Потомъ поклонился народу, сядясь въ свою коляску, да и сказалъ: «Прощайте, люди добрые! молитесь за Царя! . . .» да и поѣхалъ скоро себѣ.

А народъ же-то весь, снявши шапки и поднимавши руки къ Богу, такъ въ одинъ голосъ и зашумѣли:

«Подержи Его, Господи, въ счастье и здоровьѣ на этомъ свѣтѣ и при насъ, и при нашихъ дѣтяхъ и

внукахъ, что Онъ насъ въ самую злую годину не оставилъ и пропиталъ насъ, какъ отецъ дѣтей, и того наградилъ, кто пекся объ насъ. Пошли, Господь милостивый! Царю нашему и Царицѣ всего, чего Они отъ Тебя желаютъ и что Ты знаешь, за Ихъ добродѣтель, Имъ послать.»

Вотъ такъ-то мы молимся каждый день, и дѣтей учимъ, за то добро, что Онъ намъ посылаетъ каждый день.

Съ Малорос. В. Н. С.
